ISSN 0131-3150

Российская академия наук

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

1992 * 4

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В МАРТЕ 1957 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

В НОМЕРЕ:

НАУКА МОСКВА

ИЮЛЬ АВГУСТ

1992 * 4

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61.

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, тел. 126-94-02.

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-61

Managing Editor *Ju. V. Mochalova*, tel. 126-94-02

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

 К. Б. ЛИТВАК*

САМОГОНОВАРЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГОДОВ

Переход от изучения общей «культуры масс» к исследованиям культуры личности в нашей исторической литературе в последнее десятилетие лишь обозначился. Он нашел отражение в наметившихся попытках научного освоения новых для историков культуры тем, таких, как культура труда, семейно-брачных отношений, формирование культурной среды, ценностных ориентаций, культурных потребностей, досуга, художественного вкуса и т. п. Разработка этих проблем все более и более занимает умы ученых, но их интерес часто остается в некотором роде «платоническим» из-за сложности одновременного исследования менталитета и социальной истории. Поэтому пока крайне редко удается раскрыть указанную проблематику в контексте конкретно-исторических событий. Причин тому множество. Одна из них связана с обращением к достаточно специфическому кругу источников и явными пробелами в разработке методики их анализа.

Не случайно до сих пор исследователи практически не приступали к изучению проблем культуры быта и досуга многих социальных групп населения. Если применительно к рабочему классу или в целом к городским слоям изредка еще появляются в печати статьи по данной тематике, то, к примеру, советское крестьянство историками культуры в этом плане совершенно не изучается. Между тем проблема, бесспорно, заслуживает внимания. Причем особое значение, как представляется, имеет анализ культуры быта крестьянства 1920-х гг., ибо это то рубежное время, когда последствия произошедших в стране социально-политических событий должны были уже рельефно проявиться в обыденной жизни, поведении, культуре большинства населения.

К одному из важнейших показателей культуры быта принадлежат данные о потреблении крестьянами алкоголя до и после революции. Не будем вспоминать здесь всю историю давней социальной болезни и связанных с нею различных правительственных мероприятий. Укажем лишь, что после отмены в 60-х гг. прошлого века откупной системы, просуществовавшей без малого два столетия, регулирование потребления алкоголя в России состояло преимущественно в повышении питейного налога и патентных сборов с целью сокращения мест виноторговли. А в 1894 г. была введена казенная винная монополия.

Душевое потребление хлебного вина (водки) в пореформенной России колебалось весьма существенно. В 1863 г. оно достигло даже $1^1/_5$ ведра[1], но к началу XX в. было уже почти вдвое меньшим. Однако комиссия, занимавшаяся вопросами алкоголизма при Обществе охраны народного здравия, вынуждена была констатировать, что, «несмотря на относительно малые размеры потребления алкоголя, России принадлежит печальное преимущество быть впереди многих государств по числу умирающих ежегодно от опоя, по числу арестуемых полицией в безобразно пьяном виде, по проценту алкоголиков, поступающих на излечение в психиатрические заведения, по степени болезненности и смертности своего населения»[2]. Иначе говоря, за невысокими средними данными скрывалось действительно сильнейшее пьянство определенной части населения.

Комиссия пришла к выводу о том, что основными потребителями водки были города. Если в деревне ежегодно на взрослого мужчину приходилось $1^1/_5$ ведра хлебного вина, то в городе — 4 ведра, в столицах — 7 ведер; на семью из пяти

* Литвак Константин Борисович, кандидат исторических наук.

человек в деревне — 2 ведра, в городе — $6^3/_4$ ведра, в столицах — 10 ведер [3]. По мнению комиссии, город в известной мере определял деревенское потребление водки. Не удивительным поэтому был тот факт, что в неурожайные 1905 и 1906 годы потребление алкоголя не только не сократилось, но значительно увеличилось даже в губерниях, пострадавших от недорода, ибо в деревне «гораздо большее влияние на понижение душевого потребления алкоголя оказывает оскудение промысловых заработков» [4].

Подобные выводы находим и в исследовании С. А. Первушина: «1) Потребление спиртных напитков больших городов в $4—4^1/_2$ раза больше крестьянского потребления. 2) Потребление спиртных напитков в рабочих кварталах города в 3—4 раза выше душевого потребления в кварталах состоятельных классов» [5]. Крестьянам же, как считал автор, свойствен не социальный, а бытовой, обрядовый алкоголизм. Они пьют по привычке, обычаю (ибо «полагается пить»), главным образом по праздникам, в дни крестных ходов, на свадьбах, крестинах, похоронах. Правда, в отличие от выводов комиссии, для С. А. Первушина ясно, что их «душевое потребление находится в явной зависимости от высоты экономического положения, в частности от урожая...» [6]. Но в год урожая, суммировал идеи автора в предисловии к его книге Н. А. Каблуков, «цифра душевого потребления увеличивается потому, что, с одной стороны, увеличивается число событий, при которых полагается пить (свадьбы), а с другой — при таких событиях есть возможность больше выпить» [7].

Не все ученые, однако, придерживались мнения о слишком резкой разнице между городским и деревенским потреблением алкоголя. Д. Н. Воронов писал, что такое мнение основывалось исключительно на данных монопольной статистики, которая учитывала лишь городскую продажу, а не потребление. Поэтому им была предпринята попытка выяснить роль деревенского покупателя в городе с помощью записей продавцов казенных лавок, которые показали, что «за 1912 год потребление вина по Пензенскому уезду составляло 107 тыс. ведер в 40°, на душу — 0,81 вед., менее, чем по г. Пензе, на 36%» [8].

Как бы там ни было, но возникавшие среди исследователей разногласия касались только объема потребления алкоголя в городе и деревне. Относительно же характера этого потребления большинство сходилось во мнении о его неравномерности в сельских местностях. Тот же Д. Н. Воронов подчеркивал: «Что деревенское потребление определяется главным образом обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитою личною склонностью к алкоголю, как это имеет место в городах,— доказывается ничтожным числом среди крестьянского населения как регулярных потребителей, для которых вино является обычным спутником пищи, так и алкоголиков, привычных и запойных» [9]. Проведя с этой целью в Пензенской губернии специальное обследование, он обнаружил, что регулярные потребители, привыкшие выпивать систематически, «для аппетита», но не до состояния сильного опьянения, встречались крайне редко и только в среде зажиточного крестьянства. В восьми селах с общей численностью населения в 12 тыс. человек ему удалось насчитать всего 20 подобных лиц. А собственно алкоголиков, т. е. пьянствующих постоянно и при всякой возможности, в двадцати селениях с 20 тыс. душ населения оказалось менее 40 человек, причем, как правило, это были люди, занимавшиеся кроме земледелия еще и ремеслами (сапожники, кузнецы и пр.), а также отхожими промыслами.

Среди крестьян ежедневное пьянство фактически не получило распространения, хотя это отнюдь не означало, что они соблюдали полную трезвость. «Крестины, похороны, престольные праздники сопровождаются в деревнях бо́льшим расходом вина, чем в городе. Наконец, деревенская жизнь создает немало поводов к выпивке, каких нет в городе: организация помочей... попойки на общественных сходах, магарычи при имущественных сделках, случаи отхода и возвращения промышленников...» [10]. Особое место в «крестьянской алкогольной традиции» занимали свадьбы. Пить начинали еще задолго до них: при сватовстве, сговорах,

смотринах, на девичниках. «Высватал невесту, нужна водка — это называется „запил“; потом необходимо делать „пропой“, иначе девку не отдадут; далее — „сговор“, свадьба, „княжой обед“ и т. д.» [11] Самых грандиозных размеров пьянство достигало в день свадьбы, «когда старые и малые, мужчины и женщины, участвующие в пиршестве, считают своею обязанностью не просто пить, а напиться, потому что принято думать, что чем шире пьяный размах, тем почетнее свадьба и тем счастливее будут молодые. В пьяном угаре проводятся обыкновенно и следующие два дня после свадьбы, а при богатой свадьбе 4 и 5 дней» [12].

Таким образом, трудовая будничная жизнь крестьян до первой мировой войны практически была абсолютно трезвой. Лишь в праздники, посвященные местночтимому святому, или в связи с другими неординарными событиями в деревне наблюдалось неумеренное пьянство. Но случалось это не часто, да и продолжалось недолго. Однако в крестьянском сознании праздник ассоциировался именно с употреблением алкоголя, и такое восприятие традиции оказалось достаточно стойким. Ведь, судя по данным земских анкет 1914—1915 гг., когда виноторговля по случаю войны была уже запрещена, деревня довольно легко перенесла принудительную трезвость, хотя по поводу праздников тональность отзывов была вполне определенной: «Праздники проходят трезво, но скучно»; «Прежде похороны веселее были, чем теперь свадьбы» [13] и т. п. Но в целом крестьяне одобрительно воспринимали последствия введений «сухого закона» и высказывались за возможность возобновления виноторговли после войны только с условием какого-то ее ограничения. По подсчетам Д. Н. Воронова, в эти годы защитниками виноторговли были не более 10% деревенского населения [14].

Не будем забывать и то, что именно крестьянские депутаты в IV Думе настаивали на пролонгации закона о запрете виноторговли на послевоенное время, закона, который по целому ряду причин так и не был принят. Не последнюю роль в этом сыграло появление, а затем и бурное развитие самогоноварения. Ведь примерно до 1915 г. русская деревня практически вообще не знала самогона.

Постепенное ухудшение положения на рынке, безусловно, способствовало усилению самогоноварения, размеры которого особо возросли в период «военного коммунизма», когда ввиду прекращения товарооборота между городом и деревней крестьяне старались побыстрее перекурить хлеб, чтобы избежать его сдачи по продразверстке. А выпустив джина из бутылки, стало много сложнее загнать его обратно. Поэтому мало что изменилось при переходе к продналогу. «Ножницы цен» между сельскохозяйственными и промышленными товарами были таковы, что крестьянину оказалось выгоднее сбывать в городе не хлеб, а полученный из него продукт — самогон, и на вырученные деньги покупать ситец, соль, гвозди, керосин и т. д. В этом случае ему удавалось не только ликвидировать «ножницы цен», но и извлечь из этого выгоду.

С июня 1922 г. вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР, послуживший основой для создания и функционирования народных судов. Содержащаяся в разделе «Хозяйственные преступления» статья 140 положила начало планомерной борьбе с самогоноварением. Она гласила: «Приготовление с целью сбыта и самый сбыт вин, водок и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно незаконное хранение с целью сбыта таких напитков и веществ карается — лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией части имущества» [15]. Однако это уголовное преследование за тайное винокурение не дало желаемых результатов и уже в ноябре 1922 г. эта статья была дополнена следующим текстом: «140-а. Лица, занимающиеся незаконным приготовлением и хранением спиртных напитков в виде промысла (рецидивисты), караются лишением свободы на срок не ниже 3-х лет с конфискацией всего имущества. 140-б. Приготовление спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без цели сбыта, а также хранение неоплаченных акцизом напитков и веществ карается штрафом до 500 рублей золотом или принудительными работами до 6 месяцев» [16].

Одновременно было принято решение о премиальных отчислениях милиции от штрафов. Это вызвало широкую кампанию борьбы с самогонщиками, милиция стала проводить массовые обыски. По РСФСР ею было изъято в 1923 г. 115 тыс. самогонных аппаратов, в 1924 г.— 135 тыс.[17] Наряду с репрессивными мерами вытеснить самогон пытались с помощью продажи пива и виноградных вин крепостью до 14°. Однако только лишь после выпуска в продажу в первых числах декабря 1924 г. напитков 30-градусной крепости удалось сбить волну самогоноварения в городах, но не в деревне, где из пуда хлеба можно было выгнать 10—12 бутылок самогона подобной крепости, обходившегося производителю примерно по одной копейке за градус (а продавалась бутылка самогона в среднем за 70 коп.).

Поэтому 5 октября 1925 г. вводится казенная винная монополия. Исключительное право на приготовление и продажу 40-градусной водки получил Центроспирт, который выбросил ее на рынок по цене в один рубль за бутылку. По сути, это был внутренний демпинг, нанесший сильнейший удар по производителям самогона. Но резко усилившееся вследствие этого пьянство заставило Центроспирт уже через месяц повысить стоимость водки почти в полтора раза. И немедленно, например, в Московской губернии «повышение стоимости хлебного вина на 36% дало в январе—марте 1926 г. увеличение числа самогонных дел на 63%»[18].

Стремясь победить конкурента в лице тайных производителей алкоголя, государственные органы вынуждены были с лета 1926 г. снижать цены на водку, доведя их до 1,1 рубля за бутылку. Это привело к постепенному исчезновению самогона с городского рынка. В юридической литературе стали появляться даже признаки некой эйфории: «Теперь самогонщик уничтожен. <...> Мы видели, сколь кратковременно было его существование. Вспомним цифры 1922 г.— 15 406 дел <...> и сравним с итогами наших дней В нарсудах г. Москвы за январь—март 1926 г. прошло по всем пп. 140 ст. Уголовного кодекса 242 дела; напомним еще раз, что преобладающий элемент были „шинкари“, а за апрель—июнь таких же дел было 101»[19].

Успехи в экономической борьбе с самогоноварением привели к пересмотру и правовых норм. Сначала ст. 140 УК РСФСР была расчленена, затем приготовление самогона для собственного потребления переведено из уголовных преступлений в разряд нарушений административных правил. Кроме того, постановлением СНК РСФСР от 9 сентября 1926 г. были отменены премии милиции, отчисляемые от штрафных денег самогонщиков. И, наконец, с 1 января 1927 г. вступил в силу новый УК РСФСР, не предусматривавший каких-либо наказаний за деяния, связанные с самогоноварением. Перестали преследоваться они и в административном порядке. Лишь через год постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 2 января 1928 г. приготовление, хранение, сбыт самогона, а также изготовление, хранение, сбыт и ремонт самогонных аппаратов вновь запрещались и за эти нарушения предусматривались административные наказания либо в виде штрафа до 100 руб., либо в виде принудительных работ на срок до 1 месяца. Милиция возобновила свою противосамогонную активность, начав новую ударную кампанию, результатом которой стало ежемесячное изъятие в среднем в каждой губернии или области РСФСР 1174 самогонных аппаратов и 5000 ведер самогона[20].

Таким образом, 1927 год оказался уникальным в пореволюционной истории, ибо был единственным годом, в течение которого официально разрешалось (или, точнее, не запрещалось) частное винокурение. В отличие от первых послереволюционных лет, когда у властей просто не было возможностей для борьбы с самогоноварением, в 1927 г. оно фактически было легализовано, и им мог заниматься любой, даже тот, кто раньше предпочитал покупать казенное вино из-за опасения кары. И именно тогда ЦСУ РСФСР провело специальный опрос с целью выяснения степени распространения алкоголизма в деревне.

Подобные попытки предпринимались и ранее. В 1923 г. губернские уполномоченные Госспирта разослали анкету среди сельского населения, охватившую

42 млн. человек [21]. Из ответов следовало, что в среднем на душу в деревне приходится 2,8 л самогона, однако точность этой цифры вызывала сомнения, так как подсчет основывался не на статистическом материале, а на прикидках инспекторов, их собственных представлениях о винокурении среди крестьян. Сведения текущей статистики, по общему мнению, также были далеко не удовлетворительными. Это касалось и данных Центроспирта, базировавшихся на отчетах заведующих винными складами, и данных крестьянских бюджетов. Известно, что бюджеты грешили неравномерным охватом различных слоев крестьянского населения, да никогда и не преследовали целей специального изучения алкоголизма. В них учитывались только денежные издержки, поэтому они могли отразить лишь затраты крестьян на покупку алкоголя, составлявшие отнюдь не основную часть этой статьи расходов.

В марте 1928 г. ЦСУ РСФСР разослало по всей сети статистических добровольных корреспондентов 50 тыс. анкет «О распространении спиртных напитков в сельских местностях в 1927 г.» И хотя происходило это во время начатой в январе 1928 г. бурной противосамогонной кампании, ЦСУ подчеркнуто интересовалось только годом, когда закон разрешал изготовление самогона. Кроме того, чтобы исключить настороженность опрашиваемых к вопросам, бланк обследования был составлен так, что требовались ответы не о собственном потреблении алкоголя, а о среднем его потреблении в целом по селению, т. е. за единицу наблюдения было взято не хозяйство респондента, а селение. Возвратилось в ЦСУ более половины анкет.

Примерно 4 тыс. анкет при обработке были исключены как сомнительные. Но оставшиеся 25 767 анкет охватили свыше 26% (4,5 млн.) всех крестьянских хозяйств РСФСР [22]. Их обработка и анализ позволили статистикам сделать следующие выводы: 1) В 1927 г. потребление водки в деревне составляло менее $^1/_4$ всего потребленного деревней алкоголя; 2) Общее потребление алкоголя в деревне равнялось 9 л на человека (или 7,5 л при перерасчете на 40-градусные напитки), что было выше довоенного уровня, в то время, как в городе при абсолютно большем душевом потреблении довоенный уровень не был достигнут; 3) «В 1927 г. самогонки изготовлялось по сравнению с 1924 г. меньше на 3869,5 тыс. гектолитров (30 с лишним млн. объемных ведер) или в переводе на 40° алкоголь — на 2900 тыс. гктл (23 млн. ведер).» По мнению сотрудников ЦСУ РСФСР, это свидетельствовало о том, «что в деревне употребление алкоголя не упало, а произошло вытеснение самогонки водкой», наблюдавшееся в основном в промышленных и потребляющих районах [23].

Все эти выводы подкреплялись публикацией погубернских таблиц, обобщавших результаты анкетирования, на основе которого проводились исчисления для всей территории РСФСР. Однако помимо разработчиков анализ этого массового исторического источника ни тогда, ни позже никем более не предпринимался, так как исследователи с большим недоверием отнеслись к анкете ЦСУ в связи с тем, что она, как писал Д. Н. Воронов, «дала выводы неожиданные и резко расходящиеся со всеми предыдущими обследованиями. Добркоры определили сельское душевое потребление самогона для 1927 г. в 0,74 дл, т. е. всю выкурку его только по РСФСР — в 61,5 млн. дл средней крепости в 33°. Если присоединить душевое потребление казенного вина, составлявшее, по данным Центроспирта, в селах 0,20 дл, то получим общее потребление — 0,94 дл, т. е. на 40% выше довоенного (0,67 дл). Еще более странным представляется вывод анкеты о том, что в 1924 г. выкурка самогонки составляла 100 млн. дл или 1,2 дл на душу, т. е. чуть ли не вдвое выше довоенного уровня. Такая эволюция алкоголизации населения совершенно не согласуется с другими данными. Все исследователи, оперировавшие с бюджетами, единогласно свидетельствовали не о падении потребления, а о значительном и систематическом росте его после выпуска 40°» [24]. Поэтому тот же Д. Н. Воронов предпочитал пользоваться другими материалами, исходя из которых, «по минимальным расчетам, выкурка самогона в 1927/28 г по РСФСР, УССР и БССР должна быть определена 29,6 млн. дл, из которых

3,6 млн. составляет городское потребление и 26 млн.— сельское»[25]. Однако что это за материалы? Это — данные Центроспирта, носившие весьма предположительный характер. Не случайно Воронов, чтобы прийти к вышеназванным цифрам, вынужден был ввести целый ряд поправочных коэффициентов. Более того, обратившись к сведениям НКВД, он пересматривает конечный итог сельского самогоноварения, склонившись к 30 млн. декалитров, а общий итог, таким образом, выводит следующий: 33,6 млн. дл самогона + 52,5 млн. дл водки, проданной в 1927/28 г., составляют 86,1 млн. дл или 0,625 дл на душу (1913 г.— 0,867 дл)[26]. При всей приблизительности и многосложности расчетов частного винокурения они, на его взгляд, точнее данных анкет, «дающих субъективные и поверхностные заключения рядовых обывателей, не подкрепляемых никакими цифровыми данными, которые можно было бы проверить и анализировать»[27].

Конечно, каждый автор волен в выборе источников, хотя для изучения алкоголизма конкретно-социологические методы представляются намного эффективнее материалов официальной статистики, к которой апеллировал Д. Н. Воронов. Но хотелось бы обратить внимание читателя на другое. В своем противопоставлении отчетной статистики результатам анкетирования добровольных корреспондентов автор пользуется цифрами за 1927/28 сельскохозяйственный год, который начинался с октября 1927 г. Иначе говоря, сопоставляются фактически сведения не только разных источников, но и разных лет, характеризующихся прямо противоположной политикой властей и правоохранительных органов по отношению к самогоноварению. Вызывает возражения и аргументация автора в его критике анкеты ЦСУ. Полученные в результате ее разработки выводы, как указывал Д. Н. Воронов, не согласуются с итогами исследования бюджетов. При этом он ссылается на изучение бюджетов рабочих. А, как известно, алкоголизация городского населения, почти полностью переключившегося во второй половине 1920-х гг. на потребление казенного хлебного вина, неуклонно росла. Правда, в доводах Д. Н. Воронова читаем следующую фразу: «О том же говорят крестьянские бюджеты»[28]. Но ведь тридцатью страницами раньше он сам убедительно доказывал, что по бюджетам невозможно достаточно детально судить о потреблении алкоголя в деревне, так как крестьяне не стремились афишировать эти сведения. Не может служить доказательством и обращение к «Статистике осужденных», публикации которой свидетельствовали о возрастании вдвое в 1926 г. процента осужденных, совершивших преступления в состоянии опьянения, ибо, во-первых, заполнение «Статистического листка об осужденном» после приговора суда вызывает серьезные сомнения в достоверности учета пьяной преступности, а, во-вторых, увеличение числа пьяных преступников отнюдь не впрямую зависело от роста пьянства во всем обществе. Не исключена вероятность и обратного процесса, когда число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, могло расти на фоне общего сокращения потребления алкоголя. Отсутствие весомых аргументов в пользу недостоверности анкеты ЦСУ не мешало автору отзываться о ней с явным пренебрежением. «Как можно, — писал он,— ожидать от добркора, чтобы он мало-мальски близко подошел к исчислению потребления хотя бы одного какого-либо чужого хозяйства и установил, к какому разряду оно относится: сильно, средне или мало пьющему, как этого требовала анкета? Ведь для этого он должен уже иметь представление о среднем потреблении, типичном для данной деревни»[29]. В этих словах удивляет убежденность в том, что кратковременное появление в конкретной деревне статистика-профессионала дало бы более верные выводы о потреблении самогона, нежели мнение грамотного крестьянина, постоянно в ней проживающего.

И все же неправомерно было бы не прислушаться к голосу Д. Н. Воронова как современника, очевидца событий 1920-х гг., почувствовавшего расхождение выводов ЦСУ РСФСР с реалиями наблюдаемой им действительности. В 1926—1928 гг. городское душевое потребление казенной водки составляло 8,5 л или 40% от уровня 1913 г.[30] Учитывая при этом значительное вытеснение самогона из города, приходим к выводу, что в целом городское потребление алкоголя, вообще

более склонное к росту, чем сельское, в 1927 г. так и не достигло довоенного уровня. Если же верить анкете ЦСУ РСФСР, то получается, что сельское потребление на 40% превзошло те 6,6 л водки, которые приходились на сельского жителя в 1913 г., т. е. выходит явное несоответствие: будто сельское потребление алкоголя прогрессировало быстрее, нежели городское.

Другая несуразность была подмечена в предложенных статистиками ЦСУ комментариях результатов анкетирования. «ЦСУ РСФСР предполагало,— отмечал Д. Н. Воронов,— что самогонка, выкуренная в данной деревне, в ней же и потреблялась. Это совершенно неправильное положение привело к очень странным заключениям, а именно — что чем дальше отстоит деревня от мест продажи казенного вина, тем она оказывается пьянее (процент пьющих хозяйств возрастает и размеры их потребления повышаются)» [31]. На самом же деле, конечно, выкурка самогона не тождественна его потреблению. Не весь он оседал на месте. Часть его, безусловно, продвигалась к более бойким торговым пунктам.

Вышесказанное несколько колеблет уверенность в достоверности опубликованной сводки обследования деревни, но, думается, вряд ли разумно и полное к ней недоверие. Ее данные не стали предметом специального изучения ввиду их непригодности для динамических исследований, сопоставлений с другими временными периодами, выяснения произошедших перемен. Но нет повода игнорировать их при анализе структуры, статики, определении не абсолютных величин прозводства и потребления самогона, а в целом основных сторон этого явления, его роли в жизни крестьянина доколхозной деревни. Именно это является задачей нашего исследования, и для ее решения поэтому данный источник, как представляется, может быть использован без каких-либо ограничений.

Итак, из публикации «Алкоголизм в современной деревне» были почерпнуты все важнейшие сведения о сельском производстве и потреблении алкоголя по губерниям европейской части РСФСР (без Северного Кавказа) за 1927 г. Кроме того, ряд экономико-статистических, демографических, социальных показателей был заимствован из некоторых других источников того времени [32]. К сожалению, недостаточная подробность публикаций осложнила получение необходимых сведений. Так, не простым делом оказалось выяснение влияния на самогоноварение «ножниц цен», т. е. отношения уровня промышленных цен к сельскохозяйственным. Конъюнктурный институт и другие учреждения не обнародовали погубернских данных об индексах цен, а предпочитали ограничиваться более крупными региональными образованиями (потребляющая полоса, производящая полоса и проч.). Поэтому не все желаемые признаки удалось включить в анализ. Всего же при исследовании структуры самогоноварения в деревне было использовано 28 относительных показателей*.

Почти все показатели анкеты ЦСУ о самогоноварении в 1927 г. дают в основном значимые и поддающиеся интерпретации взаимосвязи с признаками, характеризующими сельскохозяйственное производство, бюджет крестьянского хозяйства, грамотность деревни и т. п. Все это может служить дополнительным основанием достоверности выбранного нами источника. Лишь оценка добровольных корреспондентов о развитии пьянства сравнительно с довоенным временем несколько выпала из общей структуры. В какой-то мере выделение корреляционных связей этих сведений в отдельную графу, казалось бы, подтверждает мнение Д. Н. Воронова о крайне субъективном восприятии крестьянами, заполнявшими анкету ЦСУ, пьянства среди односельчан. Анализ показывает, что именно увеличение числа пьющих мужчин в первую очередь определяло размеры пьянства женщин и малолетних. Если же обратиться к другим значимым (хотя и менее высоким) коэффициентам, объяснявшим взаимосвязь признаков примерно в 40—55% случаев, то выясняется, что по сравнению с 1913 г. в деревне стали больше пить там, где выше оказалась доля хозяйств, производивших самогон. Причем

* Корреляционная модель в тексте не приводится.

безразлично, был ли он предназначен для собственного потребления или для продажи. Кроме того, среди детей, как показывает корреляция, пьющих было тем больше, чем больше дворов в деревне занималось товарным винокурением (0,69).

Этот вывод, вытекающий из формального анализа, на удивление созвучен повсеместным представлениям крестьян о влиянии самогоноварения на пьянство среди подростков. Об этом писали статистические корреспонденты из Рязанской, Костромской, Московской губерний. Вот отклик из Пензенской губ.: «Изготавливающие самогон родители сами приучают пить своих детей, заставляя помогать им при гонке и пробовать самогон, ссылаясь, что самогон ничего не стоит, так как гонится из своего хлеба; дети пьют от 8 лет; случается, что крадут у родителей самогон и, собравшись где-нибудь на огороде, выпивают сообща, как бы справляя какой-нибудь праздник» [33].

Об адекватном восприятии действительности крестьянами-корреспондентами свидетельствует и тот факт, что там, где, по их мнению, «стали больше пить», ниже была доля грамотных, ниже были доходы от сельского хозяйства и расходы на промышленные товары, чаще наблюдались негативные явления и в семейно-бытовых отношениях (с увеличением численности пьющих женщин, как правило, был связан и рост доли разведенных среди крестьянок /0,75/). Данные совершенно различных источников оказываются теснейшим образом закоррелированными. Трудно сказать, что здесь было результирующим: влияли ли разводы на пьянство женщин или наоборот. Скорее всего, учитывая, что доля разведенных среди женщин в сельских местностях РСФСР колебалась примерно в пределах 0,4—1,5%, именно для разведенных был характерен рост потребления алкоголя. Не случайно увеличение числа пьющих мужчин воздействовало менее существенно на процент разведенных женщин (0,69). Уклад крестьянской жизни был таков, что не столько пьянство способствовало разводам, сколько численность разведенных сказывалась на усилении пьянства среди женщин. Хотя, конечно, их доля столь мала, что говорить о них как о главной и единственной причине алкоголизма среди женщин не приходится.

Показатели о среднем на душу посеве зерновых культур в размерах выгона товарного самогона и о степени алкоголизации деревни отражают две стороны одного явления: развитие самогоноварения в производящей полосе при избытке хлеба, при повышении доходности сельского хозяйства, но одновременно — ухудшение всех показателей сельскохозяйственного производства с усилением пьянства как следствия винокурения. Так, с увеличением доли хозяйств, потреблявших спиртные напитки, резко падала доходность крестьянского двора, сокращались посевы, падала доля товарной части во всей валовой продукции и в результате уменьшался товарообмен с городом, так как денежные расходы крестьян на потребительскую промышленную продукцию имели тенденцию к понижению. Но это касалось местностей, для которых было свойственно широкое распространение пьянства. А диапазон его в РСФСР, по оценкам ЦСУ, был весьма обширен: от 59% хозяйств, употреблявших алкоголь, в Крыму, до 91% — в Тверской губ. и Вятской автономной области. Вместе с тем потребление хоть и коррелировало с производством самогона, однако связь эту нельзя признать даже близкой к абсолютной. Более того, в тех деревнях, где производился товарный самогон, как правило, распространение пьянства было существенно слабее, чем в иных местах развития самогоноварения.

Изменения в численности хозяйств, занятых винокурением для продажи, лишь в 30% случаев влияли на долю пьющих дворов. Причем с увеличением размеров выгона эта доля сокращалась: там, где самогоноварение становилось промыслом, видимо, предпочтение отдавалось вывозу получаемого продукта и не происходило усиленного спаивания односельчан. Коэффициенты корреляции свидетельствуют, чем больше гнали самогона на продажу, тем меньше была доля потреблявших алкоголь. Нельзя, конечно, утверждать, что занятые винокурением для продажи сами не пили, но то, что в местностях, где этот промысел

приобретал значительные размеры, падал процент алкоголизации деревни, судя по данным, вполне очевидно. В основном пили там, где гнали самогон все понемногу, а с сокращением количества хозяйств-производителей возрастал средний выгон на двор, но уменьшалась доля пьющих. Таким образом, формально-статистическая методика изучения данных анкетирования подтверждает критику Д. Н. Вороновым того комментария о взаимосвязи производства и потребления самогона в деревне, который был предложен сотрудникам ЦСУ. Но в то же время она свидетельствует не об ущербности источника, а об ошибках, связанных с его поспешным, поверхностным анализом.

В 1927 г. крестьяне преимущественно потребляли самогон. Во всяком случае реализация казенной водки на селе не приводила к каким-либо изменениям в численности пьющих дворов. Напротив, чем больше приходилось в среднем на душу алкоголя в деревне, тем меньшую часть составляло в общем его объеме казенное хлебное вино. И, естественно, с ростом потребления самогона сокращалась государственная продажа водки. Однако главными конкурентами Центроспирта оказывались не столько самогонщики, занятые выкуркой ради рынка, сколько те, кто наладил производство для собственного потребления. Наличие в хозяйстве самогонного аппарата делало бессмысленной покупку водки. Правда, возможность такая появилась только при известном достатке сырья — хлеба. Если же его не хватало, то алкоголь приобретал заметное место в деревенском товарообороте.

Наиболее активно шла торговля казенной водкой там, где и самогон фигурировал в основном в качестве товара. С ростом цен на самогон увеличивалась и продажа водки (0,73). В среднем по РСФСР в тайной продаже «казенка» более чем вдвое превышала стоимость 40-градусного самогона, а в некоторых губерниях в ценах на них наблюдался даже четырех- и пятикратный разрыв. Не удивительно поэтому, что крестьяне предпочитали самогон. Тем более, что, судя по коэффициентам, казенное хлебное вино в деревнях также покупалось, как правило, у спекулянтов. И это было связано, в частности, с очередями, с неожиданно возникавшей потребностью покупки водки в ночное время, с отсутствием поблизости винных магазинов и т. п. Вот что сообщал по этому поводу статистический корреспондент из Рязанской губ..: «Борьба с самогоноварением слабая, а с тайной продажей казенного вина — никакой. Лучше было бы открыть в селении продажу казенной водки, но мешает 5-верстный масштаб; развивается шинкарство».[34].

Таким образом, даже несмотря на совсем иное качество очистки, на примеси в самогоне («для крепости») купороса, куриного помета и тому подобных вредных добавок, во многих селах он составлял основу алкогольного потребления.

Вместе с тем анализ высвечивает некоторые ориентиры в определении факторов, влиявших на распространение в деревне казенной водки. Среди них не последнюю роль играла грамотность крестьянства. Она напрямую коррелировала с распространением самогоноварения. Чем более грамотным было село, тем меньше в нем было самогонщиков, меньше приходилось самогона и в среднем на душу. Культурный уровень крестьянства, бесспорно, влиял на характер алкоголизации деревни. Но это вовсе не означало, что с ростом доли грамотных среди крестьян сокращалась численность пьющих. «По нашим понятиям,— писал крестьянин Московской губернии,— водка самое верное лекарство при всяких болезнях... К тому же мужик видит, что все пьют, пьют и образованные,— значит вреда от водки нет, а только польза...» [35]. Действительно, наряду с обратной зависимостью между грамотностью и винокурением крестьян наблюдалась теснейшая связь доли грамотных и размеров реализации на селе казенной водки. В 80% случаев с повышением грамотности деревни возрастала среднедушевая продажа водки, а производство и потребление самогона падали. Следует ли из этого, что крестьяне отказывались от самогона в пользу водки именно в силу своей грамотности? Видимо, нет. Просто для регионов, испытывавших недостаток в хлебе, был характерен более высокий процент грамотных среди крестьян. Причем сокращение

объективных возможностей для самогоноварения вынуждало крестьянина обращаться к шинкарю, у которого, естественно, в основном преобладала казенная водка. Подтверждением тому служат и явно высокие цены как на самогон, так и на водку в местностях с относительно более грамотным крестьянским населением (0,82).

Покупка водки в большей степени, нежели самогона, требовала от крестьянина наличия денег. Поэтому он мог покупать водку лишь при условии определенных денежных доходов, что было возможно, как правило, не на поприще сельского хозяйства. Что же касается сельскохозяйственного производства, то там, где оно носило сравнительно развитые капиталистические черты, большим было и потребление казенной водки.

Анализ показывает, что там, где в деревне были деньги, где при расчетах за работу преобладал рубль, там выше была и душевая продажа водки. Конечно, это не означает, что водка стала спутником благосостояния. Наоборот, она разоряла крестьянина. Во всяком случае затраты на водку приводили к уменьшению крестьянского потребления промышленных товаров. Расходы на них, как показывает коэффициент корреляции, в общих расходах земледельческого населения (включавших, наряду с затратами на промышленные товары, затраты на хлебофураж, страховые платежи, расходы, связанные с самообложением, местными налогами и прочими нетоварными тратами), неуклонно сокращались с расширением продажи водки. В то же время самогон так не влиял на ухудшение денежного баланса крестьянского хозяйства. Он вызывал общее усиление пьянства в деревне, что в целом приводило к уменьшению крестьянских доходов от сельского хозяйства. При минимуме же доходов и расходы становились минимальными.

Влияние самогоноварения на доходность крестьянских хозяйств нельзя оценивать однозначно. В 35—60% случаев увеличение выгона самогона и рост числа его производителей приводили к уменьшению доходов крестьян от сельского хозяйства и соответственно к сокращению их потребления продукции промышленности. Анализ убедительно свидетельствует о негативных последствиях деревенского винокурения как на производственную деятельность крестьянина, так и на его быт. Но одновременно мы видим, что для части крестьян самогон был источником материальных благ: с ростом размеров выгона его у тех, кто превратил самогоноварение в промысел, возрастала доходность хозяйства, больше появлялось возможностей для товарообмена с городом, повышался общий уровень материального благополучия. Несмотря на то, что развитие самогоноварения вело к удешевлению алкоголя в тайной продаже, выгодность его производства на рынок перекрывала даже те отрицательные последствия, которые порождала алкоголизация деревни. Судя по коэффициентам корреляции, факт ухудшения жизни крестьянина в связи с самогоноварением бесспорен. Однако те же коэффициенты показывают: расширение товарного самогоноварения было настолько прибыльно, что влияло на среднекрестьянские данные о доходности сельского хозяйства. Увеличение выгона самогона позволяло крестьянам примерно на треть поднять свои доходы. Напомним, что эта средняя цифра доходности включала полюса деревни — денежный баланс явно убыточных хозяйств — потребителей алкоголя и тех, кто его производил на продажу. У последних, кстати, складывалось принципиально особое соотношение выручек и затрат. Они оказывались наиболее втянутыми в товарообмен с городом, ибо почти все денежные доходы у них шли на потребительские промышленные товары.

В то же время минимальное превышение доходов над расходами свидетельствует о далеко не стабильном положении промышленников-самогонщиков, практически не имевших страховых денежных накоплений. По-видимому, среди действительно богатых производителей самогона встречались и такие, кто занимался этим промыслом ввиду невозможности добыть средства для существования иными путями. Винокурение и шинкарство позволяли им поддерживать необходимый жизненный уровень, но не создавали избытка денежных средств.

Правда, следует признать, что крестьяне-самогонщики не испытывали необходимости в крупных денежных накоплениях. Страховым фондом у них был не рубль, а зерно. Ведь возможности для производства товарного самогона возникали не повсюду. Этот промысел, видимо, полностью зависел от среднедушевого посева, а, следовательно, от сбора и товарности хлеба. Даже урожайность зерновых, колебавшаяся весьма значительно (от 5,1 ц с гектара в Нижне-Волжском районе до 9,5 ц в Центрально-Черноземном), не играла определяющей роли. Как и при всяком экстенсивном хозяйстве главным фактором оставался валовой сбор и, следовательно, наличие хлебных излишков. Не случайно структура крестьянских доходов и расходов напрямую была связана с посевом и товарностью зерновых. Чем больше в среднем на душу приходилось хлеба, тем больше были расходы крестьян на промышленные товары и меньше у них оставалось наличных денег, т. е. от производства зерна зависел не только уровень жизни, но и характер, если так можно выразиться, товарно-денежного поведения крестьянина. Так как розничные цены на хлеба, понижавшиеся с осени 1925 г. до осени 1926 г., в изучаемый нами период были достаточно стабильны и имели даже тенденцию к повышению, а разница между уровнем промышленных и сельскохозяйственных цен постепенно сокращалась [36], крестьяне предпочитали хлеб деньгам, ибо первый оказывался более стабильным капиталом. Поэтому в деньги переводилась та часть хлеба или производных от него продуктов (в том числе самогона), которая была необходима для закупки промышленных товаров. И эти деньги по возможности тратились уже без остатка.

Такова в целом картина крестьянского самогоноварения. Она отражает некий макроуровень, ибо все расчеты были основаны на данных по регионам, включавшим сразу несколько губерний. Если же обратиться к материалам по отдельным губерниям, то корреляционные коэффициенты оказываются несколько ниже. Явление это в математической статистике хорошо известно. Главным образом оно связано с тем, что вследствие перехода от менее к более агрегированным данным усиливается их линейная взаимосвязь. При этом на погубернском уровне анализа с уменьшением коэффициентов корреляции их направления (т. е. положительные и отрицательные значения) остались прежними. Следовательно, можно быть уверенным в правильности предпринятого выше описания: анализ сведений по губерниям дает те же результаты, а изменения в тесноте взаимосвязей признаков определяются исключительно особенностями технических приемов, которые были предложены.

Наш интерес к итогам разработки анкеты ЦСУ о самогоноварении связан прежде всего с уяснением вопроса о том, каково было влияние определенных факторов на пьянство и винокурение в деревне, что оказывалось решающим в развитии самогоноварения — экономическая конъюнктура или же культурный уровень крестьянства. С этой целью анализировались следующие показатели: % хозяйств-потребителей алкоголя, % хозяйств-производителей самогона «для собственных нужд», количество самогона в среднем на душу населения, % грамотных среди крестьян, цены 1927 г. на рожь, соль, ситец и гвозди [37]. Все эти данные удалось собрать по каждой из губерний (областей) РСФСР в отдельности. Применение регрессионного анализа должно было показать, насколько пьянство и самогоноварение в деревне зависели от грамотности крестьян, а также от цен на хлеб и на некоторые промышленные товары, какой из этих факторов в первую очередь определял распространение самогона. Априори казалось бесспорным главенство рыночных цен, однако конкретные расчеты выявили лишь одну закономерность. Вне сомнений, на доле дворов, потреблявших алкоголь, сказывались цены на рожь. Что же касается производства и потребления собственно самогона, то их соотношение с ценовыми показателями и грамотностью объясняло дисперсию (т. е. отклонение от среднего) не более чем на 40%. Столь невысокий процент объясненной дисперсии, как доказано, не дает оснований для заключений о какой-либо зависимости признаков. Используемых данных оказалось явно

недостаточно для суждений о причинах столь многопланового явления, каким было самогоноварение в 20-е гг.

Не удалось ответить, таким образом, на главный вопрос: насколько глубоко крестьянское самогоноварение уходило своими корнями в сферу культуры и в сферу экономики. Но отрицательный результат тоже говорит о многом. Не уровень грамотности крестьян и, во всяком случае, не только цены на рожь и ряд промтоваров определяли поведение самогонщика. Видимо, необходимо изучение более тонких нюансов как в области духовной жизни крестьянина, так и его хозяйственной деятельности. Правда, если поиск и отбор данных экономической статистики можно существенно расширить, то сведения о грамотности являются, к сожалению, одним из немногих примеров той систематической «историко-культурной» статистики, которой располагают исследователи. Поэтому формально-количественный анализ даже некоторых сторон культуры быта крестьянства крайне затруднен. Он может быть дополнен построением традиционных описательных моделей, оставляющих, к сожалению, больший простор для субъективных исследовательских оценок.

Ясно одно, что ссылка на «ножницы цен» как главный повод усиления самогоноварения, недостаточна. Алкоголь прочно укоренился в быту крестьянина. Без него не обходились не только во время праздников, свадеб и похорон, но он являлся и своеобразной формой оплаты труда односельчан. Без «угощения» нереальной была организация помочей — необходимой для очень многих дворов формы коллективных усилий, направленных на улучшение положения своего хозяйства. Вместе с тем вплоть до конца 20-х гг. крестьянская алкогольная традиция в основном оставалась прежней: трудовые будни крестьянина были трезвыми. Существовал даже своеобразный нравственный кодекс. Так, например, показательны вполне приемлемые требования крестьян к представителям власти. В сельсовете должны быть работники честные, толковые и не пьяницы (точнее: «чтобы знали время, когда пить»). Примечательно, что такие пожелания появлялись вследствие ненормального с точки зрения крестьян поведения новой бюрократии. Сплошь и рядом от них поступали жалобы типа «сельсовет пьет без просыпу» [38].

После того, как русской деревне стала известна технология производства самогона, среди его производителей встречались лица самого разного имущественного положения. Однако с введением Уголовного кодекса 1922 г. и усилением репрессий за винокурение повсеместно стала наблюдаться следующая картина: «К большим праздникам самогонокурением занимается почти каждое хозяйство, в остальное время этим делом занимается почти исключительно беднота» [39]. В основном гнали вдовы и беднейшее население чаще всего для продажи, ибо этот промысел позволял заработать кусок хлеба, не прилагая при этом больших трудовых усилий. С бедняка за самогоноварение брался меньший штраф, а часто и вовсе нечего было взять. Середняк же боялся, что штрафы за самогон могут разорить его хозяйство. Поэтому нередко возникала ситуация, когда гнала беднота, но из чужого сырья. В этих условиях очевидная выгодность самогоноварения все же не приводила к заметному улучшению материального состояния бедняков. Они говорили: «Три-четыре раза прогонишь как следует, можно, пожалуй, и лошадь купить. Хлеба своего и картошки только нет — приходится работать на других» [40]. Кстати, такое положение устраивало всех в деревне. Вот достаточно типичный отзыв крестьянского корреспондента на этот счет: «Пивной у нас нет, а шинкари торгуют, главным образом шинкарствуют вдовы, и их население покрывает и не препятствует им торговать, а то придется их содержать как неимущих, на общественный счет» [41].

В 1927 г., как следует из проведенного выше анализа, ситуация в корне меняется. Возрастает численность самогонщиков, а частное винокурение приобретает форму промысла не столько среди малоимущих, сколько среди достаточно обеспеченных слоев деревни. Ручейки самогона сливались в единый, фактически неуправляемый поток. На этом фоне решение правительства, принятое в начале

1928 г., о борьбе с самогоноварением, безусловно, оказалось единственно верной, но как будто бы вынужденной мерой.

Однако не будем спешить с оценками. Вспомним, что сами крестьяне видели возможность эффективной борьбы с самогонщиком и быстрой победы над ним в удешевлении казенной водки. В этом плане любопытной иллюстрацией может служить письмо крестьянина Захара Губина, направленное в адрес М. Калинина в 1926 г.: «Дорогой наш Староста, что мы будем делать с самогоном. Вот прошло 9-ть годов и какие меры не применялись, а самогон не уничтожается, а наоборот более, и я уверен не уничтожить. Народ озлился, пусть, говорят, все забирают, все равно. Вы бы посетили [нас] в деревне и посмотрели. Это печальная картина, штрафуют на 100 р., 50 р. На днях одного оштрафовали на 75 р.— бедняк продал лошадь, корову и отдал. Осталась одна лошадь. И говорит, теперь брать нечего — буду гнать. Да и в самом деле крестьянину и выпить ведь нужно, а чего же он выпьет, когда казенные 1 р. 10 к. Ведь это нужно 2 п[уда] пшеницы, а он из этого хлеба выгонит $1^1/_2$ ведра не хуже казенного. И плюс к этому барда свинье или корове — у него ничего не пропадает. А если хотим сделать, чтобы не гнали, то нужно удешевить казенную.— Это ведь доступно, кто получает 100 да 200 р. в месяц, а мужику нет» [42]. Попытка резкого удешевления водки не оправдала себя, так как, во-первых, вела к спаиванию населения, а во-вторых, к сокращению поступлений в госбюджет. Это второе обстоятельство было даже чуть ли не важнее первого. В ноябре 1927 г., отвечая на вопрос французской рабочей делегации: как увязываются водочная монополия и борьба с алкоголизмом? — Сталин заявил: «Конечно, вообще говоря, без водки было бы лучше, ибо водка есть зло. Но тогда пришлось бы пойти временно в кабалу к капиталистам, что является еще большим злом. Поэтому мы предпочли меньшее зло. Сейчас водка дает более 500 миллионов рублей дохода. Отказаться сейчас от водки значит отказаться от этого дохода, причем нет никаких оснований утверждать, что алкоголизма будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном... Водочную монополию ввели мы как временную меру. Поэтому она должна быть уничтожена, как только найдутся в нашем народном хозяйстве новые источники для новых доходов на предмет дальнейшего развития нашей промышленности. А что такие источники найдутся, в этом не может быть никакого сомнения» [43].

Генсек, конечно, лукавил. В значительной степени структуру дохода можно было изменить, увеличив акциз, например, на сахар или чай. Но производство спирта было куда проще. И терять доходы от его продажи никто не собирался. Если в 1913 г. «пьяный бюджет» Российской империи на 26,4% (899 млн. руб.) состоял из денег, вырученных от продажи водки, то в 1927 г. доходы от спиртных напитков «лишь» на 12% (728 млн. руб.) наполняли бюджет [44]. Однако тенденция была вполне определенной. Хотя к концу первой пятилетки душевое потребление водки в городах предполагалось сократить на 70%, а в деревнях — на 20% [45], на деле происходило прямо противоположное. Не случайно в 1940 г. производство спирта вдвое превышало цифры 1913 г.[46]

Кроме того, Сталин говорил о крестьянском самогоноварении как о чем-то потенциально возможном, но в данный момент отсутствующем. И это в то время, когда в деревне не сдерживаемые никакими санкциями стали гнать даже те крестьяне, которые раньше этого никогда не делали из-за опасения кары. Зачем же Сталину потребовалось вводить в заблуждение своих собеседников? Его двуличность, как и у большинства политиков, всегда имела вполне конкретные мотивы. Думается, что для него, уже тогда уверовавшего в возможность достичь многого с помощью репрессий, послабления по отношению к самогонщикам в 1927 г. были необходимым звеном в цепи предпринимаемых мер. Ведь Центроспирту удалось вытеснить самогон из города, но не из деревни, где потребление алкоголя приносило государству, пожалуй, больше расходов, чем доходов. В 1926/27 г. акцизного дохода со всех спиртных напитков на душу населения данной группы было получено: от городских рабочих — по 11 р. 19 к., от крестьян — по

2 р. 72 к. И хотя сельскохозяйственное население в том году принесло 53,7% всех поступлений в госбюджет от акциза со спиртных напитков [47], вопрос о том, как выкачать с помощью водки деньги из деревни, не мог не беспокоить, ибо прямые налоговые поступления от крестьянства были относительно небольшими: по стране сельхозналог составил 357,9 млн. руб., или 11,8% всей суммы государственных и местных налогов [48]. Поэтому, кстати, один из выводов комиссии СНК СССР под председательством М. И. Фрумкина гласил: «Прямые налоги — подоходный в городе и сельскохозяйственный в деревне, сохраняя все свое значение как фактор регулирования накопления, не могут в настоящее время играть решающей роли в финансировании народного хозяйства» [49].

Спорадичность пьянства в деревне повлияла на то, что крестьянин испытывал намного меньшую зависимость от алкоголя, нежели городской рабочий. В условиях преследования за самогоноварение он мог без особых усилий над собой (и это показали первые годы «сухого закона») сократить потребление спиртных напитков. В этом смысле «самогонная свобода» 1927 г. должна была сыграть с ним злую шутку: все большие слои крестьянства получали возможность приобщаться к беспочвенным выпивкам. И, конечно, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 января 1928 г. о введении новых жестких санкций за самогоноварение ударило по крестьянам больнее, чем прежние противоалкогольные кампании. Новый запрет появился не столько вследствие опасения того, что деревня сопьется, сколько как необходимость борьбы с конкурентом, препятствующим поступлению значительных средств в государственный бюджет. Причем, судя по итогам предпринятого выше анализа, острие возобновленной в 1928 г. борьбы с самогонщиками в деревне было направлено главным образом против тех, кто наладил производство этого зелья для собственного потребления, так как занятые частным винокурением ради продажи на рынке фактически не превратились в серьезных конкурентов Центроспирта.

Внешне выглядевший вполне демократичным отказ в УК РСФСР 1926 г. от преследований за самогоноварение объективно способствовал тому, чтобы приучить крестьянина к большей алкогольной зависимости. Однако на деле «самогонный» 1927 год не повлек заметных изменений в деревенском быту. Те же остались побудительные мотивы к употреблению алкоголя (как отмечал один из бытописателей, «пьют с радости, с горя, с досады, с устатка, с холода, с жара — дело известное») [50], та же сохранилась и «порывистость» пьянства. Консерватизм крестьянской жизни, сильное влияние общинных традиций были теми сдерживающими факторами, которые не позволяли крестьянину поставить самогон выше интересов собственного хозяйства. В этом смысле деревня была в лучшем положении, чем город. По мнению Ю. Ларина, «если засчитать даже все потребление самогона в деревне по самым большим показаниям, все же средний городской рабочий пьет более чем вдвое против среднего крестьянина» [51]. Самым опасным последствием бурного развития самогоноварения в деревне явилось раннее приобщение к алкоголю молодежи. Повзрослев, пьющая крестьянская молодежь могла изменить многие деревенские устои. До 1928 г. этого не произошло. Что же касается вопроса воздействия алкоголя на культуру быта деревни в последующие годы, то он требует дальнейших исследований.

Примечания

1 Одно ведро равнялось 12,2994 л.
2 Алкоголизм и борьба с ним. СПб., 1909. С. 69.
3 Первушин С. А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912. С. 32.
4 Алкоголизм и борьба с ним. С. 47.
5 Первушин С. А. Указ. соч. С. 33.
6 Его же. Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. М., 1909. С. 149.
7 Там же. С. VIII.

[8] Воронов Д. Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения: Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. С. 41.

[9] Там же. С. 47.

[10] Там же. С. 31.

[11] Весин Л. П. Современный великорусс в его свадебных обычаях и семейной жизни//Русская мысль. 1891. Кн. X. С. 37.

[12] Воронов Д. Н. Указ. соч. С. 39.

[13] Его же. Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916. С. 21, 53.

[14] Там же. С. 59.

[15] Уголовный кодекс РСФСР. Пг., 1923. С. 56.

[16] Там же.

[17] Воронов Д. Н. О самогоне. М., 1929. С. 9.

[18] Учеватов А. Тайное винокурение в городе и деревне (по данным Москвы и Московской губ.)//Проблемы преступности. Вып. 2. М.; Л., 1927. С. 113.

[19] Там же. С. 128.

[20] Воронов Д. Н. О самогоне. С. 14.

[21] См.: Плановое хозяйство. 1924. № 4—5.

[22] Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 7.

[23] Там же. С. 7, 31.

[24] Воронов Д. Н. Алкоголь в современном быту. М.; Л., 1930. С. 106—107.

[25] Там же. С. 63—64.

[26] Там же. С. 65.

[27] Там же. С. 64.

[28] Воронов Д. Н. Алкоголь в современном быту. С. 107.

[29] Там же. С. 109.

[30] Подсчитано по: Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним. М.; Л., 1929. С. 85.

[31] Воронов Д. Н. Алкоголь в современном быту. С. 109.

[32] Статистический справочник СССР. 1927 год. М., 1927. С. 14—20; Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г. М., 1928. С. 34, 40; Цены важнейших сельскохозяйственных товаров за 1924—1927 хозяйственные годы. Вып. 1. М., 1928. С. 20, 21—23; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX: РСФСР. М., 1929. С. 189—194; Сельское хозяйство СССР. 1925—1928. М., 1929. С. 220—221; Торговля РСФСР. Л., 1929. С. 424, 431; Цены важнейших промышленных товаров, продуктов питания и фуража за 1925—1928 годы. Вып. 2. М., 1929. С. 39, 43, 57.

[33] Алкоголизм в современной деревне. С. 52.

[34] Там же. С. 55.

[35] Там же. С. 49.

[36] Если принять цены 1913 г. за 1, то среднегодовые отношения индексов розничных цен на сельскохозяйственные продукты к промышленным товарам в частной торговле предстанут в следующем виде: 1922/23 — 177,1%; 1925/26 — 120%; 1926/27 — 116,9%; 1927/28 — 98%. См.: Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период: 1921—1928 гг. М., 1972. С. 93. 111. При этом, правда, надо учитывать, что государственное регулирование промышленных цен, их понижение, применение административных мер для того, чтобы промышленные товары продавались по прейскурантным ценам, приводили к почти полному исчезновению многих этих товаров с рынка. Цена на товар была вполне умеренной, а купить его крестьянин не мог даже и по большей цене ввиду отсутствия его на базаре.

[37] Источником первых трех показателей послужила публикация «Алкоголизм в современной деревне», четвертого — «Всесоюзная перепись населения 1926 года». Т. IX (М., 1929), остальных — «Цены важнейших сельскохозяйственных товаров за 1924—1927 хозяйственные годы» (вып. 1. М., 1928), «Цены важнейших промышленных товаров, продуктов питания и фуража за 1925—1928 годы» (вып. 2. М., 1929).

[38] Росницкий Н. Полгода в деревне. Пенза, 1925. С. 50.

[39] Там же. С. 228.

[40] Там же. С. 229.

[41] Алкоголизм в современной деревне. С. 55.

[42] ЦГАНХ СССР, ф. 396, оп. 4, д. 1, л. 12 и об.

[43] Сталин И. В. Соч. Т. 10. М., 1954. С. 232—233.

[44] Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1927. С. 143.

[45] Ларин Ю. Новые законы против алкоголизма. М.; Л., 1929. С. 10; его же. Алкоголизм: Причины, задачи и пути борьбы. Харьков, 1930. С. 36.

[46] Зотов В. П. Пищевая промышленность в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны//Вопросы истории. 1972. № 11. С. 96.

[47] Тяжесть обложения в СССР. М., 1929. С. 45, 48, 52—53.

[48] Там же. С. 39.

[49] Там же. С. 71.

[50] Голубых М. Очерки глухой деревни. М. Л., 1926. С. 73.

[51] Ларин Ю. Новые законы против алкоголизма. С. 4.

Санкт-Петербурга. Симпозиум возглавили профессор Матти Клинге (Финляндия) и профессор Г. А. Тишкин (Россия).

Доклады, представленные на симпозиум, были посвящены сотрудничеству финских ученых и Санкт-Петербургской Академии наук в XIX — начале XX в., крупным ученым-угроведам Я. К. Гроту, А. Н. Шёгрену, Х. Г. Портану и многим другим. Большой интерес вызвали доклады Д. Ассмана «Роль Петербурга в переходе немецкого влияния в Финляндию», Й. Мартикайнена «Скандинавские связи И. П. Кола в Петербурге», А. Йунтунена «Значение Российского географического общества в развитии науки в Финляндии», М. Клинге «Значение Санкт-Петербургской Академии наук и ученых, работавших в Петербурге, в истории науки в Финляндии», а также доклады и сообщения российских ученых К. В. Чистова «Петербург и „Калевала"», И. П. Шаскольского «Финские ученые в Санкт-Петербургской Академии наук в первой половине XIX века», Г. А. Тишкина «Императорская Академия наук — центр просвещения (вторая пол. XVIII века)».

Особый интерес вызвало сообщение Ю. А. Виноградова «Документы Санкт-Петербургского филиала Архива АН СССР об истории русско-финляндских научных и культурных связей».

В заключение симпозиума состоялся обмен мнениями по результатам работы. В прениях выступили: член-корреспондент РАН К. В. Чистов, профессор Х. Сихво, профессор Г. А. Тишкин, Е. Б. Белобуровский. Было высказано предложение, поддержанное участниками симпозиума, о необходимости проведения «Ежегодных российско-финляндских гуманитарных чтений в Санкт-Петербурге». Тема следующей встречи осенью 1992 г.— «Гражданская война 1918—1920 гг. на северо-западе России и Финляндия».

Работа Международного симпозиума освещалась средствами массовой информации Санкт-Петербурга.

С. Б. Коренева, Г. А. Тишкин

СПИСОК НАЗВАНИЙ АРХИВОВ, УПОМЯНУТЫХ В НОМЕРЕ

Архив РАН —	Архив Российской академии наук
СПб. ф. Архива РАН —	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
Архив СПб. ИИ ФИРИ РАН —	Архив Санкт-Петербургского Института истории филиала Института российской истории Российской академии наук
ЦГАДА —	Центральный государственный архив древних актов
ЦГАОРСС СССР —	Центральный государственный архив Октябрьской революции, социалистического строительства СССР
ЦГАОРСС г. Москвы —	Центральный государственный архив Октябрьской революции, социалистического строительства г. Москвы
ЦГИА —	Центральный государственный исторический архив
ЦГВИА —	Центральный государственный военно-исторический архив
РЦХИДНИ (б. ЦПА ИМЛ) —	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории

СОДЕРЖАНИЕ

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Публикации

Сообщения

Критика и библиография

За рубежом

Научная жизнь

CONTENTS

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.04.92 Подписано к печати 17.07.92 Формат бумаги 70×100¹/16
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 392,2 тыс. Уч.-изд. л. 25,2 Бум. л. 7,0
Тираж 21 269 экз. Заказ 2716. Цена 2 р. 10 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6